

Советский опыт мобилизационного развития: политологический анализ¹

Салин Павел Борисович

Канд. юрид. наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: salpavbor@mail.ru

Осинина Дарья Дмитриевна

студентка факультета социологии и политологии (группа П 3-1) Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: daria_osinina@mail.ru

Выбор темы обусловлен, прежде всего, исчерпанностью прежней модели социально-экономического и, следовательно, политического развития России. Такое мнение распространено как в экспертном сообществе, так и в органах власти, что было документально зафиксировано. Так, в «Основных направлениях деятельности Правительства РФ до 2018 г.», утвержденных 14 мая 2015 г., указаны три основных вызова, стоящих перед Российской Федерацией. Среди них — снижение глобального спроса на традиционные сырьевые товары и геополитическое обострение, которое привело к повышению экономической и политической неопределенности, фактическому закрытию для большинства российских компаний доступа к заемному финансированию на зарубежных рынках, ограничениям на привлечение современных технологий из-за рубежа. Другими словами, правительство РФ официально признало, что существовавшая все 25 постсоветских лет модель, основанная на заимствованиях средств на международных финансовых рынках (в 1990-е гг. — от имени государства, последние 15 лет — за счет наращивания корпоративного долга) себя исчерпала.

В связи с этим встал вопрос о дальнейших сценариях развития ситуации. Сторонники «суверенного» развития России все более настойчиво предлагают мобилизационный сценарий. В частности, в августе-сентябре 2015 г. заметно активизировался советник президента С.Ю. Глазьев, выступивший с программными заявлениями в СМИ, а также презентовавший 15 сентября на закрытом заседании Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ по безопасности в экономической и социальной сфере доклад «Конкурентный потенциал России и пути его реализации для обеспечения национальной безопасности». Де-факто документ является на данный момент программой мобилизационного развития страны и требует кардинального пересмотра всей политики не только правительства, но и власти в целом, в том числе изменения конструкции политической системы.

Кроме того, по мнению ряда экспертов, начавшаяся в конце сентября 2015 г. военная операция РФ в Сирии может принять затяжной характер. Российская экономика, с учетом ее нынешнего состояния и перспектив, может не выдержать расходов на долгосрочную военную операцию. Это также актуализирует тему возможных социально-политических последствий реализации мобилизационного сценария.

Россия на протяжении XX в. пережила три попытки мобилизационного развития: две «жесткие» «сталинские» модернизации и, условно говоря, «мягкую» андроповско-горбачевскую (краткий период «военного коммунизма» можно вынести за скобки). Первые две можно считать успешными, в том числе с социально-политической точки зрения, а последнюю — неудачной. Именно эта неудача, которая не позволила переломить тренды, в том числе в социально-политической сфере, во многом запустила процессы, которые привели к распаду СССР.

Ключевые слова: мобилизационный сценарий, сталинская мобилизация, человеческий капитал.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2015 г.

The Soviet Experience of Mobilization Development: Politological Analysis

Salin Pavel Borisovich

Ph.D. of Juridical Sciences, Director of Politological Studies Center, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: salpavbor@mail.ru

Osinina Darya Dmitrievna

Student of Sociology and Politology Faculty (Group P 3-1), Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: daria_osinina@mail.ru

The subject choice is primarily due to depletion of the previous model of Russia's socio-economic and hence political development. Such an opinion is common both in the expert community and in the governmental structures, this has been documented. Thus, in the Guidelines for Action of the Russian Federation Government until 2018, approved 2015 May 14, have been specified three main challenges facing the Russian Federation. Of these the decline in global demand for traditional primary commodities, and geopolitical aggravating, which has led to an increase in economic and political uncertainties, actual closing of access to debt financing in foreign markets for the majority of Russian companies, restrictions on the modern technologies involvement from abroad. In other words, the Russian government has officially recognized that existed during all 25 post-soviet years model based on borrowing in international financial markets (in the 1990s — on behalf of the state, the last 15 years — by increasing the corporate debt) has exhausted itself.

In this regard, a question about future development scenarios has arisen. Russia's "sovereign" development supporters suggest a mobilization scenario more and more hardly. In particular, in August-September 2015 the presidential adviser S.Yu. Glazyev has become more active: he has made program statements in mass media, as well as has presented September 15 at a closed meeting of the Russian Federation Security Council's Interdepartmental Commission on security in the economic and social area the report "Russia's Competitive Potential, and Ways of Its Implementation for National Security". In fact, at the moment the document is the country's mobilization development program and requires a cardinal revision not only the government's whole policy, but also the authorities' policy in general, including political system structure changes.

In addition, according to some experts' opinion, the Russian military operation in Syria, which has begun in late September 2015, can take a protracted nature. The Russian economy, taking into account its current state and prospects, may not sustain the costs for a long-term military operation. It also updates the theme of the mobilization scenario's possible socio-political consequences.

Russia during the 20th century has survived three mobilization development attempts — two "hard" Stalin's modernizations and, relatively speaking, a "soft" Andropov-Gorbachev one (a short war communism period can be put out of the brackets). The former two attempts can be considered as successful, among other from the socio-political point of view, and the later one — as unsuccessful. That particular failure has not allowed overcome the trends, including in the socio-political area, in large measure started processes that led to the USSR disintegration.

Keywords: mobilization scenario, Stalin's mobilization, human capital.

1. Реализация первого «сталинского» мобилизационного сценария

Причиной запуска первого «сталинского» мобилизационного сценария послужило исчерпание рыночных механизмов перераспределения продовольствия между деревней и городом. Так, зимой 1927–1928 гг., несмотря на хороший урожай, в города по программе хлебозаготовок было поставлено лишь 300 млн пуд. в зерна, что на 130 млн меньше, чем в предыдущий год, когда урожай был меньше. При-

чиной стал растущий уровень жизни населения, что, в свою очередь, вызвало рост потребления в городах и желание крестьян повышать рыночные цены, по которым у них закупалось зерно. Таким образом, относительно рыночная экономика времен нэпа (по крайней мере, ее сельскохозяйственная составляющая) оказалась в ловушке эскалации потребностей.

В итоге для реализации мобилизационного сценария руководство СССР сделало ставку на изме-

нение социальной структуры советского общества вплоть до постепенной ликвидации некоторых групп, а также на изменение структуры потребностей различных групп населения.

Введение нэпа вызвало изменение социальной структуры и образа жизни людей. Наиболее заметным явлением стала новая советская буржуазия — нэпманы, совбуры. Они в значительной степени определяли лицо эпохи, но находились как бы за пределами советского общества: были лишены избирательных прав, не могли быть членами профсоюза. Предприниматели остро чувствовали непрочность своего положения. Доля частной промышленности в общем объеме промышленного производства была невысока. Частные капиталы устремились, прежде всего, в торговлю. И если оптовая торговля контролировалась в основном государством, то в розничной торговле частный сектор абсолютно доминировал.

За время нэпа частично восстановились социальные прослойки, разрушенные в годы Гражданской войны — буржуазия (в советском варианте) и интеллигенция. При этом заметно возросло число бюрократии — с 1 млн человек в 1917 г. до 3,7 млн в 1927. Заметно вырос уровень жизни населения, как городского, так и сельского, при этом заметно возросли запросы.

Однако экономический рост до 1927 г. в основном носил восстановительный характер — восстанавливались мощности, разрушенные во время Гражданской войны. К 1928 г. возникла необходимость создания новых мощностей с «нуля», что требовало гораздо больших затрат (как финансовых, так и трудовых), а также, что немаловажно, — новых технологий, собственного потенциала для создания которых в СССР не было, их необходимо было закупать на Западе. Изначально ставка делалась на то, что финансирование пойдет с Запада, однако начавшийся глобальный финансовый кризис перечеркнул эти планы. Кроме того, отказ крестьянства продавать зерно по прежним ценам ударил по платежеспособности СССР на внешних рынках, так как зерно было одним из основных предметов экспорта, и можно было рассчитывать закупать на Западе технологии именно за счет его экспорта. Кроме того, в отличие от дореволюционного периода, когда источниками зерна для экспорта были крупные латифундии, советская власть в период нэпа по идеологическим причинам сделала ставку на разукрупнение сельскохозяйственного производства. В итоге на селе стал доминировать класс «середняков», который производил продукцию в основном для собственного производства. Как видно из вышеприведенного

анализа, ситуация в СССР в 1927–28 гг. была схожа с ситуацией в России образца 2013–2015 гг.

В социально-политическом отношении советская власть при реализации мобилизационного сценария сделала ставку на следующие аспекты. Во-первых, приведение идеологического дискурса к общему знаменателю. Другими словами, точки зрения, альтернативные официальной, сначала маргинализировались, а потом и вовсе оказались под запретом под страхом уголовного преследования. Если 1920-е гг. были временем дискуссий о будущих вариантах развития советской государственности (активно выступали Н. Бухарин и «крестьянская» партия, А. Рыков, менее активно — Г. Зиновьев и Л. Каменев), то в 1930-е гг. установился общий идеологический курс, инакомыслие уже преследовалось по уголовному кодексу.

В частности, в редакции УК СССР образца 1926 г. появилась 58-я статья под общим названием «Контрреволюционная деятельность». Она содержала 14 подпунктов, как минимум один из которых касался идеологического дискурса. Это п/п 58-10: «Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2 — 58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания».

Во-вторых, ужесточение трудовой дисциплины. Та же статья 58 УК предусматривала несколько составов преступлений: 58-7. «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций»; 58-9. «Причинение ущерба системе транспорта, водоснабжения, связи и иных сооружений или государственного и общественного имущества в контрреволюционных целях»; 58-14. (добавлено 6 июня 1937 г.) «Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата». Примечательно, что последний состав преступления, добавленный в 1937 г., предусматривал

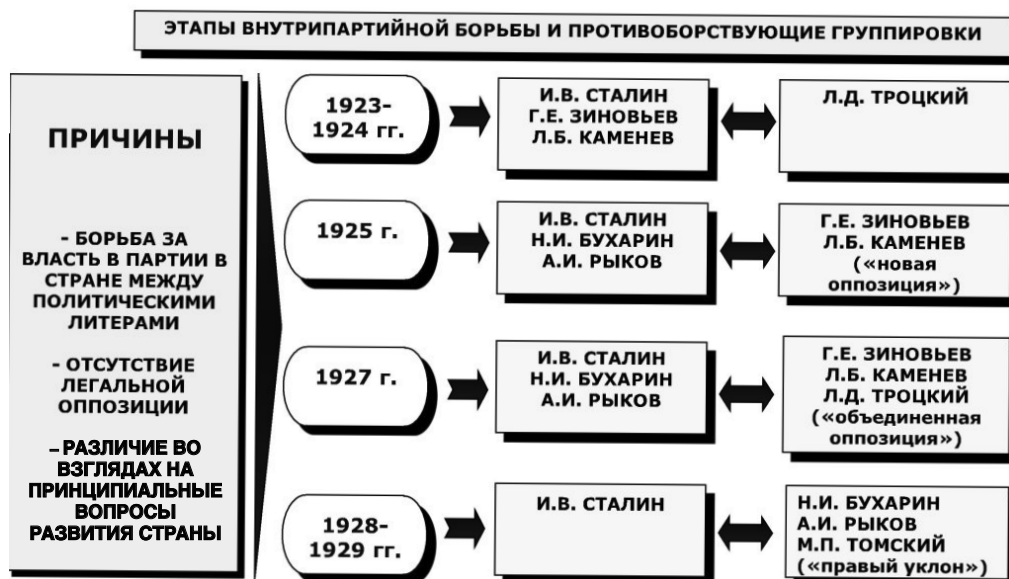

Рис. 1. Внутрипартийная борьба за власть в 20-е гг.

Источник: <http://схемо.pdf/shemy/istorija/jastremskii-a-m-albom-shem-po-kursu-otechestvenaja-istorija-2008-g/218.html>
(Дата обращения: 23.10.2015).

гораздо более суровое наказание (вплоть до конфискации с расстрелом), чем два предыдущих. Таким образом, «закручивание гаек» в области трудовой дисциплины проводилось постепенно, чтобы население могло адаптироваться к новым правилам.

В преддверии войны, когда уже стало ясно, что в ближайшие годы начнется масштабное столкновение с участием СССР (сразу после начала кампании Германии против Франции), произошел очередной виток ужесточения трудового законодательства. Был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»². В частности, п. 5 предусматривал: «Установить, что рабочие и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений, предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев. Установить, что за прогул без уважительной причины рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами по месту работы

на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%. В связи с этим отменить обязательное увольнение за прогул без уважительных причин. Предложить народным судам все дела, указанные в настоящей статье, рассматривать не более чем в 5-дневный срок и приговоры по этим делам приводить в исполнение немедленно».

Следует отметить, что документ вроде бы смягчает норму — отменено увольнение за прогул. На самом деле речь идет фактически об ограничении права граждан на свободу выбора места работы. Процесс «закрепощения» городского населения начался еще в начале 1930-х гг., когда в СССР формально была полностью ликвидирована безработица. (Подобные нормы в рамках мобилизационного сценария были введены в Белоруссии (запрет на увольнение без разрешения бюрократических инстанций), правда, они касались лишь отдельных отраслей).

Третье направление деятельности советских властей в рамках реализации мобилизационного сценария — ротация элиты, замена кадров на более молодые и активные, но при этом менее самостоятельные. Нет необходимости подробно описывать этот известный аспект деятельности сталинского режима, однако, если вывести за скобки методы, которыми проводилась ротация элиты, можно отметить, что общий

² http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (Дата обращения: 23.10.2015).

уровень исполнительской дисциплины повысился. Во многом это получилось благодаря тому, что кадры были молодыми и несамостоятельными в суждениях, слепо верили в непогрешимость руководства и его решений. Предыдущее поколение, которое зачастую имело еще дореволюционный партийный стаж, привыкло к атмосфере дискуссий и существованию различных мнений [1].

Наконец, нельзя не остановиться на таком моменте, как информационно-идеологическая обработка населения. В стране, в отличие от 1920-х гг., культивировался образ «человека труда», искусственно создавались герои, образцы для подражания (самый яркий пример — Стаханов и движение стахановцев). В этом направлении работали не только СМИ, но и, в широком смысле, творческий цех. Выходило много «производственных» книг и фильмов. Один из наиболее ярких примеров — «Свинарка и пастух». В фильме представлен транслировавшийся тогда властью по различным каналам коммуникации с населением сюжет (современными словами): трудоголик и обязательно герой (пастух Мусаиб, вступил в схватку с волками), но при этом не карьерист, завоевывает любовь девушки-трудоголички (что важно — другой национальности), победив в этом деревенского лодыря.

В целом сценарий сталинской «мобилизации-1» с точки зрения поставленных целей можно считать успешным. С экономической точки зрения удалось создать механизм, который оперативно позволил перебросить мощности на восток и быстро наладить там производство продукции для нужд фронта. С социально-политической — была достигнута однородность общества (как в политическом, так и, но меньше, в социальном плане). Эти два фактора внесли решающий вклад в победу СССР в Великой Отечественной войне.

Однако при этом следует помнить, что СССР в то время находился в состоянии демографического подъема, на что наложился процесс урбанизации (отчасти естественный, отчасти — инициированный властями). Это привело к появлению в городах масс сельских жителей с низким уровнем потребительских претензий, которые и стали основным человеческим капиталом для реализации мобилизационного сценария. Большинство из них стало рабочими и низшим менеджментом, наиболее «продвинутые» поступали в средние и высшие учебные заведения и делали карьеру на высшем уровне. Наиболее типичный карьерный путь руководителя СССР образца 1965–1990 гг. следующий: выходец из сельской местности поступает в высшее или среднее учебное заведение,

после окончания начинает работу на производстве, потом переходит на партийную работу и начинает делать там карьеру.

2. Реализация второго «сталинского» мобилизационного сценария

Второй тип мобилизационного сценария — сталинская мобилизация № 2 (послевоенная). Она несколько отличается от первой как по причинам, так и по механизмам. Во-первых, она носила вынужденный характер, в отличие от предыдущей (по крайней мере, более вынужденный — стране необходимо было восстановиться после войны). Во-вторых, предпосылки для реализации мобилизационного сценария уже существовали — вся система была выстроена и отточена в предвоенные и военные годы. В-третьих, речь шла не о переходе к мобилизационному сценарию, а о его «конверсии» — переходе от военного типа к мирному.

Социальным фоном для реализации сценария сталинской мобилизации №2 стала победа в Великой Отечественной войне. Это породило волну эйфории у граждан, которые ждали повышения количественных (уровень доходов и потребления) и качественных (безопасность, здравоохранение и т.п.) показателей жизни и готовы были мириться с временными трудностями при условии, что тренд на повышение уровня жизни будет очевидным.

В целом власти СССР были готовы удовлетворить такой запрос, который объективно совпадал с трендом демилитаризации экономики. Были сняты некоторые ограничения «режима военного времени»: восстановлен 8-часовой рабочий день, отменены обязательные сверхурочные, восстановлены ежегодные отпуска. Подтверждался принцип сдельной оплаты труда. Наркоматы минометного вооружения и танковой промышленности преобразованы, соответственно, в наркомат машиностроения и приборостроения и наркомат транспортного машиностроения. Однако вследствие начавшейся «холодной войны» глобальной демилитаризации советской экономики не произошло.

Важным фактором послевоенного (как и довоенного) мобилизационного сценария стала постановка сверхцели. По оценкам западных экспертов, восстановительный период в СССР должен был продлиться около 15–20 лет. Но в феврале 1946 г. Сталин заявил о необходимости в течение трех пятилеток добиться трехкратного превышения объема промышленного производства предвоенного времени. Он подчеркнул, что «только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от

всяких случайностей». Уже по плану пятилетки 1946-1950 гг. объем валовой продукции должен был превзойти предвоенные показатели на 48%.

Для реализации сверхцели(ей) с помощью конструирования социальной реальности и общественных проектов проводилась масштабная обработка общественного мнения. Благодаря осуществлению комплекса мероприятий, среди которых первостепенное значение имела эксплуатация энтузиазма победителей в войне (например, неостахановское движение «скоростников»), мобилизационные меры руководства (включая принудительный труд заключенных), репарации из Германии, за четвертую пятилетку довоенный экономический потенциал фактически был восстановлен.

При этом власти СССР пытались удовлетворить запрос населения на повышение качества уровня жизни, несмотря на то, что реально это было трудно сделать. Так, хотя в 1947 г. карточки на продукты питания в СССР были отменены (в первой из стран, существенно пострадавших от войны), твердые цены повысились в 2,5-3,5 раза. После этого регулярно осуществлялись акции по снижению цен на товары массового потребления, что широко освещалось в СМИ. Главной задачей властей было создать у граждан ощущение неуклонного роста уровня жизни. Во многом за это платили обеспеченные слои населения. Способом изыскания дотаций на осуществление этого послужила денежная реформа, проведенная на основании постановления от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Реформа носила конфискационный характер, отразившись на материально преуспевающих слоях населения. Старые деньги подлежали обмену по курсу 10:1. Вклады в сберегательные кассы в размере более 3000 рублей переоценивались в пропорции 2:1.

Важным политическим ходом власти (он был осуществлен еще во время войны, но действие его пролонгировано и на период послевоенной мобилизации) стала реабилитация Русской православной церкви. Таким образом власть заручилась поддержкой тех слоев населения, кто не относил себя к атеистам. Точной статистики, по понятным причинам, не существует (социологические замеры, даже закрытые, тогда не проводились), но представляется, что это были широкие массы, особенно за пределами крупных городов и в сельской местности.

Еще в период войны обнаружилось принципиальное изменение характера взаимоотношений государства и православной церкви — от конфронтации к сотрудничеству. В послевоенные годы актуальность

динамики церковной реставрации усиливается. За период с 1946 по 1953 г. почти в два раза возросло число церковных приходов. Работа на перспективу церковного строительства выразилась в учреждении двух духовных академий и восьми семинарий. С пасхальных торжеств 1946 г. возобновилась богослужebная практика в Троице-Сергиевой лавре, актуальным стал вопрос о возвращении монастыря в ведение патриархии. На подготовленное в 1948 г. под общим руководством М.А. Сулова постановление «О задачах антирелигиозной, атеистической пропаганды в новых условиях», в котором провозглашалась задача искоренения религии как непременное условие перехода от социализма к коммунизму, Сталин наложил вето.

Пытаясь повысить статус Московской патриархии во вселенском православном движении, Сталин добивался присуждения ей вместо пятой порядковой строчки первой позиции. Реабилитация православия не подразумевала реализацию принципа свободы совести. Православный прозелитизм сопровождался гонениями на исторических соперников Московской патриархии. В постановлении Совета по делам культов от 1948 г. проводилась, вопреки тезису об отделении церкви от государства, дифференциация религиозных направлений по степени их приемлемости для режима. К первой группе относилась лишь православная церковь, которой надлежало оказывать содействие; ко второй — армяно-григорианская, исламская и буддистская конфессии, предполагавшие терпимое отношение; к третьей — католицизм, лютеранство, иудаизм, старообрядчество, объявленные учениями, враждебными советской власти. В 1946–1949 гг. упразднено легальное существование в СССР униатской церкви в условиях вооруженного сопротивления террористических группировок сепаратистского движения. На московском совещании глав и представителей православной церкви, состоявшемся в 1948 г. по случаю 500-летия автокефалии РПЦ, были подвергнуты осуждению экспансионизм римской курии и экуменистические тенденции развития христианства на Западе. Эволюция управленческой системы заключалась в переносе центра тяжести от партии к структурам государственной исполнительной власти [2].

Итоги реализации сценария «сталинской мобилизации № 2» также можно считать успешными. Однако, в отличие от предыдущей, ее успех во многом был предопределен уже существующим порядком вещей. С одной стороны, после войны страна фактически лежала в руинах, был существенно подорван ее экономический и человеческий потенциал. С дру-

гой — базовые условия для реализации сценария были уже готовы. Еще до войны была создана и налажена плановая модель экономики (во время войны она была «протестирована» в режиме «перегрузок») и, выражаясь современным языком, «вертикаль власти». Кроме того, была эйфория от победы над внешним врагом, что стало дополнительным стимулирующим фактором. Наконец, свою роль сыграл «эффект низкой базы». Если во время реализации сценария № 1 речь шла об ограничении как уровня потребления, так и прав граждан, то во время реализации сценария № 2 — наоборот. Уровень потребления по сравнению с военным временем повысился (зачастую власть с помощью пропаганды создавала лишь иллюзию этого), а уровень ограничения прав граждан снизился. Так, в экономике многие предприятия вернулись к 8-часовому рабочему дню и т.п., на короткое время была отменена смертная казнь (1947–1950 гг.).

3. Реализация андроповско-горбачевского сценария

Еще одной попыткой реализации мобилизационного сценария, правда, на этот раз неудачной, можно считать «андроповско-горбачевский» сценарий. Его отличие от двух предыдущих, помимо неудачной реализации, заключается еще и в том, что по типологии его можно отнести скорее к «мягкому», чем к «жесткому» типу. Однако это все равно был мобилизационный сценарий, так как ставка делалась на административные (принудительные) механизмы, а не на рыночные.

Речь идет о так называемом «ускорении». Принято считать, что авторство этого термина принадлежит М.С. Горбачеву, хотя впервые его использовал Ю.В. Андропов в ноябре 1982 г. на пленуме ЦК КПСС: «Намечено ускорить темпы развития экономики, увеличить абсолютные размеры прироста национального дохода... Напряженные задания должны быть выполнены при сравнительно меньшем увеличении материальных затрат и трудовых ресурсов».

Причина реализации мобилизационного сценария была вполне прозрачна — растущее отставание СССР от стран Запада [3]. Стране была необходима стратегия. Уже при Брежневле стало заметно техническое отставание СССР от Запада, где происходила новая научно-техническая революция. Ее характер, связанный с ускорением обмена информацией, внедрением гибких сетевых структур, не был осознан советским руководством. Оно пока не было склонно менять социальную структуру, систему управления, а надеялось централизованно «внедрить» совре-

менную технику. В итоге СССР уперся в НТР как в барьер, который не мог преодолеть. А без этого отставание СССР становилось все более очевидным даже в главном — в военной технике. Андропов считал, что необходимо напрячь все силы, мобилизовать все резервы, чтобы преодолеть кризисную черту. Фактически уже в вышеуказанной речи была сформулирована политика ускорения [4].

В рамках «андроповского» мобилизационного сценария были выбраны три ключевых направления деятельности: укрепление трудовой дисциплины, борьба с коррупцией, усиление правопорядка. В первом случае, в июле 1983 г. был принят ряд документов, направленных на укрепление трудовой дисциплины. Нововведения в целом носили гораздо более гуманный характер, чем во время первой мобилизации. За нарушения были предусмотрены меры не уголовного или административного воздействия, а трудового (депремирование, сокращение отпуска и т.п.). В то же время был предусмотрен ряд стимулирующих мер за надлежащее исполнение своих обязанностей и различного рода выслугу лет. Принятие новых мер сопровождалось комплексом мер по их имплементации: облавами в рабочее время в местах досуга и торговли и т.п. [5].

Что касается второго направления деятельности, то она в целом носила точечный и показательный характер. С помощью антикоррупционной кампании команда Андропова боролась не столько с проблемой, сколько со своими политическими и аппаратными оппонентами из брежневской команды. Именно поэтому андроповская антикоррупционная кампания запомнилась не столько системной борьбой с коррупцией, сколько громкими делами («дело гастронома № 1» и ряда других московских торговых предприятий, отставка и самоубийство министра внутренних дел Щелокова, ряд громких дел на южных курортах и т.п.). Скорее всего, команда Андропова делала ставку на то, что элита «считает» сигналы, идущие от нового руководства страны, и сама начнет ограничивать свои коррупционные потребности.

В любом случае антикоррупционная кампания захлебнулась, так как с середины 1983 г. Андропов постоянно находился в больнице, и представители элиты это знали. У его сменщика К.У. Черненко не было воли и желания продолжать курс Андропова (хотя заведенные при нем дела коррупционеров продолжали расследоваться, а приговоры по ним были вынесены только при М.С. Горбачеве).

При этом власть делала масштабную ставку на продвижение тезисов мобилизационного сценария через различные каналы коммуникации. Следует

сказать, что творческий цех также чувствовал необходимость «мягкого» сценария мобилизации. В частности, режиссер В.Абдрашитов еще до вышеуказанных постановлений, направленных на повышение дисциплины труда, снял фильм «Остановился поезд», посвященный проблемам падения качества управления и дисциплины труда в советском обществе.

М.С. Горбачев после прихода к власти попытался продолжить курс Ю.В. Андропова. На пленуме ЦК КПСС в апреле 1985 г. было принято постановление, в котором первым пунктом было ускорение научно-технического прогресса, а вторым — интенсификация труда. Однако реализация «горбачевского» варианта мобилизационного сценария вылилась, прежде всего, в антиалкогольную кампанию, эффект от которой оценивается противоречиво. В итоге власть была вынуждена отказаться от административных рычагов воздействия на ситуацию и сосредоточиться на рыночных. В ноябре 1986 г. был принят закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», что положило начало новому сценарию действий власти, который условно можно назвать «рыночным» — перестройке. В связи с этим сценарий «андроповско-горбачевской» мобилизации можно считать законченным.

В целом следует отметить, что причина неудачи третьего сценария мобилизации заключалась в состоянии советского общества, которое, с одной стороны, находилось в апатии, а с другой — желало новых, более высоких потребительских стандартов.

Власть вложила колоссальные средства в закупку нового, более совершенного оборудования, однако у работников и их руководства не было стимулов его использовать. Таким образом, основная причина неудачи «мобилизационного сценария № 3» заключается в том, что власть не смогла эффективно воздействовать на сознание граждан в целях перевода на мобилизационные рельсы.

В России в течение XX в. было реализовано три мобилизационных сценария: сталинский довоенный, сталинский послевоенный и андроповско-горбачевский (сценарий военной сверхмобилизации 1941–1944 гг. не в счет). Все они имели две составляющие: материально-техническая база и человеческий капитал (квалификация, психологические установки). Первые два можно считать успешно реализованными (цели достигнуты), так как власть смогла достичь целевых параметров по обоим составляющим. Третий был неуспешен, так как власти, несмотря на наличие материально-технической базы, не удалось достичь целевых установок по второй составляющей — перестроить сознание населения на мобилизационные рельсы. Таким образом, для успешной реализации мобилизационного сценария в современной России необходимо уделять повышенное внимание не только его финансово-экономическим параметрам, но и «гуманитарным», социально-политическим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. — Челябинск: Энциклопедия, 2013.
2. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / Пер. с англ. В.В.Рокитянский. — М. Прогресс-Традиция, 2004.
3. Иноземцев В.Л. Модернизация России в контексте глобализации // Современные проблемы развития [Текст]: материалы Теоретического семинара / [отв. ред. В.Г. Хорос]. — М.: ИМЭМО РАН, 2010.
4. Cheremukhin, Anton and Golosov, Mikhail and Guriev, Sergei M. and Tsyvinski, Aleh. Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? September 2013. URL: <http://ssrn.com/abstract=2325798>. — Дата обращения: 23.10.2015.
5. Ivan Krastev. Paradoxes of the New Authoritarianism // Journal of democracy. April 2011, Vol. 22, Number 2. P. 14-15.

REFERENCES

1. Goncharov G.A., Backanov S.A., Grishina N.V., Pass A.A., Fockin A.A. *Mobilizacionnaya model' razvitiya rossiiskogo obzhestva v XX veke* [The mobilization model of development of the Russian society in the twentieth century]. Chelyabinsk, 2013.
2. Hangtinton S. *Politichesky poryadok v menyaushihysya obschestvah* [Political Order in Changing Societies]. Moscow, 2004.
3. Inozemtsev V.L. *Modernizatziya Rossii v kontekste globalizacii* [Modernization of Russia in the context of globalization]. *Sovremennye problemi razvitiya. Materiali teoreticheskogo seminara* [Modern problems of development. Materials of a theoretical seminar]. Moscow, 2010.
4. Cheremukhin, Anton and Golosov, Mikhail and Guriev, Sergei M. and Tsyvinski, Aleh. Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? September 2013. Available at: <http://ssrn.com/abstract=2325798>. (accessed 23 October 2015).
5. Ivan Krastev. Paradoxes of the New Authoritarianism. Journal of democracy. April 2011, Vol. 22, Number 2. P. 14-15.